

В.М. Хвостов

**Этюды по современной
этике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.М. Хвостов**
Этюды по современной этике / В.М. Хвостов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 224 с.

ISBN 978-5-458-54975-2

ISBN 978-5-458-54975-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій сборникъ составился изъ ряда статей, которыя были мною помѣщены въ теченіе 1905—1908 годовъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Сверхъ того, сюда вошелъ докладъ, читанный мною въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ. Всѣ эти очерки писаны были безъ заранѣе установленнаго плана, чѣмъ и объясняется ихъ несистематичность. И тѣмъ не менѣе, въ нихъ есть извѣстное единство, которое дало мнѣ мысль объ изданіи ихъ одной книгой. Всѣ они посвящены этическимъ вопросамъ. Несомнѣнно, что въ послѣдніе годы и въ русскомъ и въ западно-европейскомъ обществѣ ожилъ интересъ къ этико-философскимъ проблемамъ. На книжномъ рынкѣ постоянно появляются новые труды по этикѣ, а старыя предлагаются въ новыхъ изданіяхъ и переводахъ. Это движеніе мысли можно только привѣтствовать. Очевидно, культурное человѣчество ощущаетъ въ себѣ потребность подвергнуть пересмотру основы своего этического міровоззрѣнія, чтобы подвести подъ него болѣе прочныя устои. Послѣ долговременнаго господства позитивизма и матеріализма настала эпоха оживленія идеалистическихъ началъ. Стали интересоваться такими вопросами, которые одно время казались навсегда сданными въ архивъ. Вновь воскресаетъ въ умахъ вѣчная истина, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ.

Но пока еще трудно говорить о господствѣ идеализма и вообще объ укрѣпленіи какого-нибудь опредѣленнаго идеалистическаго міровоззрѣнія. Мы переживаемъ эпоху исканій и борьбы. Поэтому и въ новой этической литературѣ мы далеко не встрѣчаемъ единства. Самый идеализмъ представляется въ массѣ различныхъ направленій, иногда рѣзко противорѣчащихъ одно другому. И противники идеализма не молчатъ. Они противопоставляютъ идеалистическимъ направленіямъ въ этикѣ свои. На смѣну стараго метафизическаго матеріализма появился новый — историческій или экономическій, который съ своей стороны заявляетъ притязаніе на окончательное рѣшеніе этическихъ проблемъ. Каждому мыслящему человѣку необходимо пролагать свой путь чрезъ этотъ лабиринтъ противорѣчивыхъ системъ.

Предлагаемая вниманію публики статьи явились также, прежде всего, результатомъ стремленія автора самому разобраться въ различныхъ этическихъ направленіяхъ. Въ нихъ подвергнуты разбору произведенія по вопросамъ этики, появившіяся въ разное время и несходныя по своимъ предпосылкамъ и выводамъ. Но мнѣ казалось возможнымъ дать очеркамъ общее заглавіе «этюдовъ по современной этикѣ», ибо и произведенія такихъ писателей, какъ Штирнеръ и Ницше, далеко еще не утратили характера современности. Ницше читается именно въ наше время съ особымъ увлеченіемъ, а книга Штирнера какъ разъ въ теченіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ появилась въ Россіи въ нѣсколькихъ переводахъ и сдѣлалась предметомъ усиленнаго вниманія.

Всѣ статьи печатаются безъ особыхъ измѣненій. Первая изъ нихъ — «Этика Ницше» — появилась впервые въ «Русской Мысли» за 1905 г. №№ 7 и 12; вто-

рая — «Единственный и его собственность» — была напечатана въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» за 1907 г. №№ 8 и 9; третья и четвертая, посвященныя этикѣ социалистической, были напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за 1906 г. №№ 39 и 210; пятая представляетъ собой докладъ, читанный въ Московскомъ Женскомъ Клубѣ 16 января 1908 г. и затѣмъ напечатанный въ № 5 «Московского Еженедѣльника» за тотъ же годъ; наконецъ, шестая статья, посвященная разбору теоріи права и нравственности профессора Петражицкаго, въ печати не появлялась до сихъ поръ; это — нѣсколько переработанный для печати докладъ, прочитанный въ Психологическомъ Обществѣ при Московскомъ университетѣ 19 января 1908 года.

Къ этическимъ направленіямъ, затронутымъ въ этихъ статьяхъ, я отношусь въ общемъ отрицательно. Вездѣ приходится имѣть дѣло либо съ этикой, проникнутой крайнимъ индивидуализмомъ и субъективизмомъ, и потому уже лишенной опредѣленнаго содержанія и возвышенности, либо же съ этикой, основанной на классовой розни и партійности, и потому уже не содержащей въ себѣ началъ общечеловѣческой истины и любви.

Вотъ почему у меня возникла мысль включить въ этотъ же сборникъ въ качествѣ противовѣса тѣ немногія строки, которыя я въ книжкѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи», посвященной памяти покойнаго князя С. Н. Трубецкаго, напечаталъ объ этомъ незабвенномъ русскомъ философѣ и гражданинѣ ¹⁾. Въ связи съ этимъ я и самый сборникъ посвящаю памяти Сергѣя Николаевича.

¹⁾ Опущено изъ этой статьи то, что не относится непосредственно къ личной характеристикѣ.

Князь С. Н. Трубецкой въ моихъ глазахъ является воплощеніемъ истинно этическихъ началъ. Вся его жизнь была посвящена служенію своему народу, который онъ хотѣлъ видѣть на пути стремленія къ правдѣ и добру. Онъ неустанно проповѣдывалъ эти начала и умеръ въ самый разгаръ своего дѣятельнаго имъ служенія. Только въ этихъ началахъ заключается спасеніе Россіи отъ опасностей, которыми ей со всѣхъ сторонъ угрожаетъ переживаемая эпоха. Помня, что, по справедливому выраженію Карлейля, только тотъ народъ бываетъ истинно великимъ, который умѣетъ благоговѣнно чтить своихъ героевъ, и мы должны чтить память такихъ людей, какъ покойный Сергѣй Николаевичъ. У подножія памятника С. Н. Трубецкого полагаю и я этотъ свой скромный трудъ по этическимъ проблемамъ, который для меня лично имѣетъ то значеніе, что онъ является первымъ моимъ печатнымъ трудомъ въ этой области. Я надѣюсь, что не останусь единственнымъ въ такомъ начинаніи, что память о князѣ Трубецкомъ будетъ жить въ русскомъ народѣ и особенно среди русскихъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Только подобные ему люди выведутъ насъ на настоящую дорогу нравственно-культурнаго прогресса, и пусть примѣръ жизни и дѣятельности князя служить имъ путеводной звѣздой.

Есть и еще одна причина, болѣе личнаго характера, въ силу которой передо мной воскресъ образъ князя С. Н. Трубецкого, когда я приступилъ къ подготовленію къ печати настоящаго сборника. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я собирался серьезно заняться изученіемъ этической философіи, то именно къ нему я обратился за нѣкоторыми указаніями методологическаго характера, и мы провели нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ, которая мнѣ дала очень много. Глубоко рели-

гіозное міровоззрѣніе князя Трубецкого произвело на меня сильное впечатлѣніе и, чѣмъ дальше я подвигался въ разработкѣ этическихъ проблемъ, тѣмъ больше истины находилъ я въ тѣхъ мысляхъ, которыя постоянно проповѣдывалъ и защищалъ этотъ философъ, слишкомъ рано сошедшій съ земной сцены. Съ большою философскою и историческою эрудиціей Сергѣй Николаевичъ соединялъ поэтическое дарованіе и чувство глубоко-религіознаго человѣка, которое позволяло ему такъ далеко проникать въ этическія проблемы, какъ это рѣдко удается. Приходится очень сожалѣть, что князю не суждено было продолжать далѣе свою ученую и преподавательскую дѣятельность. Всѣ мы потеряли въ немъ рѣдкаго по силѣ и глубинѣ мысли изслѣдователя въ области, преимущественно, этическихъ и религіозныхъ проблемъ. Остается только пожелать у его могилы, чтобы исповѣдывавшіяся имъ начала укрѣпились въ нашей наукѣ и народной жизни.

23 января 1908 г.

В. М. Хвостовъ.

Памяти кн. С. Н. Трубецкого.

Я сравнительно недолго былъ знакомъ съ покойнымъ Сергѣемъ Николаевичемъ и не принадлежалъ къ числу его личныхъ и близкихъ друзей. Мои отношенія съ нимъ сложились исключительно на почвѣ совместной академической дѣятельности. Но и тѣхъ немногихъ лѣтъ, когда мы въ Московскомъ университетѣ работали вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, достаточно было, чтобы университетская семья его оцѣнила и полюбила. Конечно, память о его свѣтлой личности никогда не изгладится у тѣхъ профессоровъ, которые были членами этой семьи въ періодъ времени первыхъ пяти лѣтъ XX столѣтія.

Больше всего, на мой взглядъ, подкупалъ въ пользу Сергѣя Николаевича весь его нравственный обликъ, говорившій сразу о необыкновенной искренности и чистотѣ его натуры. Достаточно было немного поговорить съ покойнымъ, чтобы собесѣдникъ почувствовалъ, что въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакого лукавства. Князя Трубецкого иногда упрекали въ аристократизмъ; мнѣ самому приходилось слышать такіа обвиненія по его адресу. Но я не могу съ этимъ согласиться. Аристократизмъ Сергѣя Николаевича не былъ сословнымъ или кастовымъ аристократизмомъ. Это былъ аристократизмъ чувства и мысли. Онъ, дѣйствительно, съ

нескрываемымъ несочувствіемъ относился ко всему, что казалось ему низменнымъ и мелочнымъ. Подобныя проявленія человѣческихъ слабостей всегда давали обильную пищу его неистощимому юмору. Безъ озлобленія, но очень мѣтко и въ безпощадно смѣшномъ видѣ изображалъ онъ людей, за которыми замѣчалъ подобныя свойства. Но я никогда не замѣчалъ въ немъ и слѣдовъ сословнаго высокомерія. Если его манеры казались иногда слишкомъ сдержанными, то причиной этому была отчасти его застѣнчивость, свойство, которымъ нерѣдко отличаются люди съ такой дѣтски чистой душой, какъ былъ надѣленъ Сергѣй Николаевичъ, отчасти же его воспитаніе, конечно, не во всемъ соотвѣтствующее правамъ и привычкамъ той весьма разнообразной по составу и происхожденію общественной среды, въ которой привелось ему дѣйствовать.

Чего мнѣ никогда не случалось замѣчать въ Сергѣѣ Николаевичѣ, такъ это какихъ-либо злобныхъ чувствъ. Я только что сказалъ, что были такія свойства человѣческой натуры, къ которымъ онъ относился весьма несочувственно и которыя навлекали на себя его насмѣшки. Но и къ людямъ, заслужившимъ такое отношеніе съ его стороны, онъ не питалъ никакой злобы. Напротивъ, приходилось не на словахъ только, а на поступкахъ убѣждаться, что онъ относился къ нимъ съ сожалѣніемъ и не желалъ имъ никакого зла. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Сергѣй Николаевичъ, возмущенный какимъ-либо отрицательнымъ явленіемъ нашей академической или общественной жизни, писалъ страстное обличеніе для газетъ или для совѣтскаго доклада. Но если ему при этомъ случалось видѣть, какое впечатлѣніе на самихъ причастныхъ къ дѣлу лицъ производила изготовляемая имъ филиппика, то онъ немедленно начиналъ ее смягчать. Подобное

его свойство даже вызывало иногда размолвки съ нѣ-
которыми изъ его соратниковъ, которые предпочли бы
видѣть въ немъ болѣе неумолимаго борца съ окружа-
ющимъ зломъ, болѣе строгаго гонителя несимпатичныхъ
личностей. Но Сергѣя Николаевича трудно было заста-
вить въ этихъ случаяхъ отказаться отъ смягченій;
пока онъ боролся съ явленіемъ вообще, онъ былъ
страшно строгъ; какъ только это явленіе принимало
передъ его глазами обликъ живого человѣка, онъ начи-
налъ жалѣть этого человѣка.

Товарищескія размолвки возникали съ Сергѣемъ
Николаевичемъ еще и на другой почвѣ. Какъ многіе
душевно чистые и искренніе люди, онъ слишкомъ вѣ-
рилъ окружающимъ его лицамъ. Въ его глазахъ ка-
ждый былъ прекраснымъ человѣкомъ, достойнымъ
всякаго довѣрія, пока уже очень рѣзкіе факты не убѣ-
ждали его въ заблужденіи. Поэтому онъ иногда слиш-
комъ много цѣны придавалъ всякаго рода обраще-
ніямъ къ разуму и чувству. Ему постоянно казалось,
что если то или иное лицо поступаетъ дурно, то оно
дѣйствуетъ такъ только по непониманію истиннаго
смысла своихъ поступковъ; стоитъ ему только разъ-
яснить ихъ настоящее значеніе, повліять на его добрыя
чувства, и дѣло будетъ улажено. Это заставляло Сер-
гѣя Николаевича иногда предлагать и съ большою
горячностью отстаивать явно непрактичныя мѣры.

Въ своихъ убѣжденіяхъ Сергѣй Николаевичъ от-
личался необыкновенной твердостью и стойкостью. Въ
немъ весьма мало было развито стадное чувство. Онъ
былъ очень независимъ въ мысляхъ и поступкахъ.
Никакая партійная дисциплина, никакія тактическія
соображенія не могли заставить его отступить отъ
взгляда, который онъ считалъ истиннымъ. Мнѣ случа-
лось видѣть, что онъ готовъ былъ бросить иногда

имъ же затѣянное дѣло, какъ только убѣждался, что его сотрудники расходятся съ нимъ во взглядахъ по какому-нибудь частному вопросу, который въ его глазахъ имѣлъ большую важность. И въ этихъ случаяхъ его не останавливалъ ни рискъ разойтись съ товарищами ни опасность подвергнуться жестокому нападенію въ прессѣ и въ широкихъ кругахъ общества. Сергѣй Николаевичъ обладалъ рѣдкимъ мужествомъ личнаго убѣжденія.

И онъ имѣлъ полное основаніе быть мужественнымъ. Можно было спорить съ его воззрѣніями и не соглашаться съ нѣкоторыми его поступками. Но никто изъ тѣхъ, кто его хоть сколько-нибудь зналъ лично, никогда не сомнѣвался, что все, что дѣлалъ князь Сергѣй Николаевичъ, вытекало изъ его искренней преданности дѣлу. Онъ не вносилъ въ свои дѣйствія никакого элемента личнаго расчета и эгоизма. Поэтому даже ошибки его всегда были симпатичны.

Не могу не упомянуть еще объ одной выдающейся чертѣ покойнаго товарища. Это былъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ, которыхъ мнѣ когда-либо приводилось слушать. Помимо блестящаго остроумія, которымъ онъ былъ надѣленъ въ высокой степени, онъ отличался еще способностью къ необыкновенно художественнымъ и поэтическимъ характеристикамъ. Я никогда не забуду того высоко художественнаго описанія греческой природы и населенія современной Греціи, которое онъ сдѣлалъ въ рѣчи, произнесенной въ студенческомъ собраніи по возвращеніи изъ предпринятой имъ въ большой компаніи студентовъ экскурсіи по Греціи. Слушатель невольно переносился вслѣдъ за ораторомъ въ описываемую имъ страну и вмѣстѣ съ нимъ наслаждался созерцаніемъ голубого южнаго моря, дивнаго греческаго воздуха — аэра греческихъ поэтовъ и фило-

соффовъ, — и наблюденіемъ за шумной и живописной толпой южнаго приморскаго города, увлеченной политической борьбой.

Ко всему этому прибавлялось глубокое впечатлѣніе отъ той искренности и задушевности, которыми дышало каждое слово оратора. Этой именно искренностью настроенія, а не какими-либо ораторскими приѣмами, объясняется то изумительное дѣйствіе, которое иногда производили на собраніяхъ студентовъ и не-студентовъ рѣчи князя Трубецкаго. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ аудиторія, довольно враждебно къ нему настроенная, покрывала его рѣчь, въ которой онъ былъ весьма далекъ отъ какой бы то ни было уступчивости, дружными аплодисментами. Я это объясняю тѣмъ, что слушатели, даже несогласные съ ораторомъ, невольно чувствовали, что передъ ними стоитъ человѣкъ, искренно преданный своему дѣлу, искренно и пламенно любящій свою родину, свой народъ и его учащуюся молодежь.

Все эти свойства привели къ тому, что Сергѣй Николаевичъ пользовался большой любовью своихъ товарищей. Мнѣ приходилось видѣть общественныхъ и академическихъ дѣятелей, которые обладали большимъ авторитетомъ, которыхъ очень уважали, къ словамъ которыхъ прислушивались и указаніямъ которыхъ подчинялись. Я зналъ людей, которые умѣли отлично дисциплинировать общественныя силы и выступали прекрасными лидерами партій. Но я не знаю случая, когда товарищъ и видный дѣятель пользовался такой любовью, какъ покойный Сергѣй Николаевичъ. Бывали случаи, когда я убѣждался, что обаянію его чистой и прекрасной личности невольно подчинялись даже его политическіе и академическіе враги и недоброжелатели, а таковыхъ, конечно, онъ имѣлъ не въ